

Елена Крюкова

«Всё проходить...»

Нищие. Фреска

Доски — зубом струганные; столы — домовинами.
Ноги, птицы пуганные, крючатся, повинные.
Это — у нищих — пир горой.
Дырой во рту светит, свищет каждый второй.
Крыльями свисают лохмотья с голых плеч.
Хлебом слиплым в Божью печь всем придётся лечь.
А сейчас — зуб вонзай в корку прокопчённую:
Из кувшина хлебай воду кипячёную!

Ах, по руку правую мужик сидит, нахал.
Под космами катается белка его опал.
А под грязной мешковиной на груди горит,
Верно, с бабы скраденный небесный лазурит.
Плачет, бородой трясёт... Близок жизни край...
От себя кус отщипни и ему подай.

А по руку левую — тащит медный таз
Нищенка с серебряными монетами глаз.
В тазу плещется вода — для помывки ног
Нищему, который всех больше одинок.
Кругла таза камбала! Тонка брови нить!
Будет ноги ему мыть. Воду эту — пить.
Будет лытки синие пылко целовать,
Будто ниткой жемчуга их перевивать.

И в тазах, дырявых мисках, ящиках разбитых,
В зелёных бутылках, в решётах и ситах
Волокут на столы, валят на дощатые
Хлеб из масляной мглы, потроха распятые!

Крюкова Елена Николаевна — поэт, прозаик, литературный критик. Родилась в Куйбышеве (ныне — Самара). Окончила Московскую консерваторию (1981) и Литинститут (1989; семинар А.Жигулина). Печатается как поэт с 1983 года. Автор нескольких книг стихов и прозы. Лауреат многих литературных премий. Живет в Нижнем Новгороде.

Крючья пальцев дрожат! Ноздри раздуваются!
Рот — раз в тыщу лет с бутылкой сливается!
Этот пир — он для нас. В ушах ветер свищет.
В тысяче — летье раз — наедайся, нищий.
Ты всё руку тянул?! Улыбался криво?!
Масла брызг — между скул. Попируй, счастливый.
Чуни из тряпья стегал?! Щиколку — в опорки?!
Жизнь в моление сжигал о замшелой корке?!
Жёг клопный матрац высохшей спиной?!
Попируй в миру лишь раз ночью ледяною!

А в угрюмый, чадный зал, где дымы и смрад,
Над тряпьем и над тазами Ангелы летят.
Льют они горний свет, льют огнём — любовь —
На латунь мёртвых рыб, колёса хлебов,
На затылков завиток, лысин блеск и дрожь,
На захлёсты заплат, на зеркальный нож,
На трущобную вонь, на две борозды
Белой соли — двух слёз сохлые следы;
И вот, выхвачены из замогильной тьмы,
Горят факелы лиц, пылаем лбами — мы!

Мы весь век — во грязи. Мы — у бьющих ног.
Ангел, братец, налей. Выпей с нами, Бог.
Били вкривь.
Били вкось.
Били в срам. Под дых.
Дай, обгложем мы кость милостынь своих.
Мир плевал в нас, блажных! Голодом морил!
Вот размах нам — ночных, беспобедных крыл.
Вот последнее нам счастье — пустой, грозный зал,
Где, прижавшись к голяку, всё ему сказал;
Где, обнявши голытьбу, соль с-под век лия,
Ты благословишь судьбу, где твоя семья —

Эта девка с медным тазом, ряжена в мешок,
Этот старик с кривым глазом, с башкою как стог,
Эта страшная старуха, что сушёный гриб,
Этот голый пацанёнок, чей — тюремный всхлип;
Этот, весь в веригах накрест, от мороза синь,
То ли вор в законе, выкрест, то ль — у церкви стынь,
Эта мать — в тряпье завернут неисконный крик! —
Её руки — птичьи лапки, её волчий лик;
Эта нищая на рынке, коей я даю
В ту, с ошурками, корзинку, деньги — жизнь мою;
И рубаки, и гуляки, трутни всех трущоб,
Чьи тела положат в раки, чей святится лоб, —
Вся отрепая армада, весь голодный мир,
Что из горла выпил яду, что прожжён до дыр, —

И любить с великой силой будешь, сор и жмых,
Только нищих — до могилы, ибо Царство — их.

* * *

*Я выпью с тобой эту рюмку.
Последний алмаз нацеди.
Ты слышишь, как тяжело и громко
Стучит в изумлённой груди.*

*Как мало дыхания осталось.
Спой, зимний седой воробей,
О нежной Царице, чья старость
Дрожит под ладонью моей.*

Вирсавия и Давид

Я, в свою драненькую шубейку запахнувшись, брела.
Вдруг потекла ручьём жалейка, дудка, — из-за угла.
Из витража, разбитого ветром, — голову — задери!
В дёгте полночи вспыхнули веки, зрячие, изнутри...
Нет, это арфа... Нет, это набла... Систры, кимвал, тимпан...
Снег раздувал мощные жабры, пил жадный голос, пьян.
Я, как вкопанная, застыла. Сердца опал горит.
Бьётся вдоль тела — саблею — жила: это же царь Давид.
Это песня его — лучами, в чревный мешок — копьём.
Это голос его ночами плакал со мной вдвоём.
Это — на ощупь, по льду и снегу, когтем ржу просверлив,
Бог процарапал меня — к Человеку: к Голосу: жарок, жив.
Башней дрожала под снежной шкурой. Красная капля ползла
По скуле. Уткой-подранком, дурой летела в бельмо стекла.
Царь мой, нет у меня водоёма, нет бездонных зеркал,
Чтоб, близ влажного окоёма, палец письмо ласкал!
Чтоб, иероглифы разбирая свитка, где все: «ЛЮБИ» —
Песню твою над воротами Рая слыша, как глас трубы,
Видя, как лик Луны лимонный — нож метели, взрезай! —
Вся дрожала, как лист спалённый, билась, как пёсий лай!
Царь мой Давид, я сподобилась чуда! — песню твою слышать.
Средь остуды, гуда и блуда — нотой сиять, kloкотать
В горле твоём, над арфою бедной, где перекрестка крик —
Стать лишь струною скрученной, медной
в пальцах твоих, мужик!
И зазвучать, как не звучали волны со дна времён,
Как на снегу-молоке не пылали все кумачи похорон,
Как не вопил младенец, рождённый от голубя — в белый свет,
Как не дышали рты всех влюблённых
в морозный узор планет!
И под окном, где стекло разбито, пей, Вирсавья, до дна
Песню живую царя Давида, пьяную без вина;
Радугу дикую слёз раскосых, жилистых струн разлёт...
Гей, арапчонок!.. — метельные косы
Кинет мне на спину, высверкнет косо
Белками; обвяжет жемчужным просом,
В смертный жгут заплетёт.
И при великом честном народе, что лжёт, гогочет и ржёт —
Пусть кольцо твоё «ВСЁ ПРОХОДИТЬ»
В белом костре сожжёт.

Подаяние

*Я в полосатом халате
Сижу на медовом снегу.
Грозная вся от проклятий,
Чистоту живота берегу.
На спине моей татуировка.
Там дыня изображена:
Разрезаны сноха и свекровка,
И дочь, и муж, и жена.*

И пятки замёрзли в снегу, ломти вяленой дыни.
Я в ватном халате сижу и кричу о сыне.
На белом солнце пустыни севера дикой:
Подайте! Господа ради Хрипа и Крика!
Но люди оглохли. Их уши залеплены воском.
Старик из толпы на меня скалится волком.
Ударить хочу оскал! — но в морозе зыбком
Плывёт, слезясь, зыбясь, умирая, — Улыбка!
И я кулачишко жму, и ногтями — в кожу:
Мой старый отец, прости, ты мне всех дороже...
Мой нищий дед, возьми — из полы халата
Вот этих грошей, худых, липучих, проклятых:
Иди и купи себе булку, — а я, таджичка,
Зажгу огонь и руки согрею над спичкой,
Мальчонке гребнем повычешу с макушки болячки:
А снег — золотой, богаче всякой подачки,
И я беру его в горсть и ем, и целую,
Башку окунаю в снег свою седую —
И рот мой раструб, и рот мой свело от крика:
О том, как любовь велика, нищета велика.

И царский халат на снегу сумасшедше ярок —
Павлиний хвост, колибри, Судный подарок
Из кованого сундука Чингисхана —
Толпе стоязычной, ястычной, пьяной и рваной,
Дробящей град сей ломами и каблуками,
Ледащей, горящей голодом — над веками,
Летающей — любовью, чадающей — у изголовья,
Поющей — псалмы, поющей невинных — кровью,
Скребущей проказу — когтём — по загривкам пьяным,
Дающей от сердца нищим — лишь корку льдяну.